

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ СЕВЕРОКОРЕЙСКОЙ ЭЛИТЫ

Андрей Ланьков*

Университет Кукмин, Сеул

DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-103-121

Аннотация На протяжении десятилетий ряд наблюдателей периодически заявляет о том, что северокорейский режим находится на грани краха. Тем не менее на практике режим продемонстрировал значительную устойчивость и, с немалой вероятностью, просуществует еще в течение длительного времени. В статье рассматриваются как факторы, представляющие потенциальную угрозу для стабильности режима (прежде всего, соседство с богатой, свободной и привлекательной Южной Кореей), так и факторы, способствующие этой стабильности (сплоченность элит). Политика Северной Кореи в период после 2011 г. анализируется как набор мер, которые, в первую очередь, должны служить нейтрализации внешних и внутренних угроз стабильности режима. Хотя внезапный коллапс режима семьи Ким гипотетически возможен, более вероятно, что данный режим сохранит контроль над страной в обозримом будущем.

Ключевые слова Северная Корея, КНДР, реформы, политическая стабильность, элиты

Title Survival strategies of the North Korean elite

Abstract For decades, a number of observers argued that the North Korean regime was on the brink of collapse. However, the regime has demonstrated remarkable resilience and probably will persist for a long time. The article deals with the factors that either pose a threat to regime's stability (above all, the existence of rich, free, and attractive South Korea) or contribute to its consolidation (cohesion of elites). The post-2011 policy of North Korea is also analyzed as a set of measures that are primarily aimed at neutralizing external and internal threats to the regime's long-term stability. While a possibility of a sudden collapse of the Kim family's regime cannot be excluded, it is more likely that the regime will keep the country under its control for the foreseeable future.

Keywords North Korea, DPRK, reforms, political stability, elite

---

---

* Ланьков Андрей Николаевич – профессор Университета Кукмин (Сеул, Республика Корея), к.и.н.
Andrei Lankov is Professor of Kookmin University (Seoul, South Korea).

I. Введение

Одной из характерных черт современной Северной Кореи является впечатляющая стабильность существующего там режима. Еще в 1970-е годы северокорейский вариант государственного социализма широко воспринимался как иррациональный и, соответственно, уязвимый. В 1980-е годы, когда в Северной Корее шла подготовка к передаче власти по наследству (шагу, беспрецедентному для стран социалистического лагеря) в советском экспертном сообществе, как и среди большинства наблюдателей в третьих странах, было распространено мнение о том, что Ким Чен Иру не удастся удержать власть после смерти своего отца. Уверенность в скором конце режима семьи Ким стала почти всеобщей в начале 1990-х годов под влиянием падения во многом сходных (но при этом выглядевших куда более «рациональными») режимов в Восточной Европе. В качестве примера можно процитировать Роберта Мэннига, который в 1993 г. писал: «Перспективы Северной Кореи варьируются от внутреннего взрыва и коллапса в стиле Румынии до взрыва, который распространится вовне».¹

Явное ухудшение состояния здоровья Ким Чен Ира после 2008 г. и его смерть в 2011 г. привела к похожим спекуляциям, объектом которых тогда снова стал сын скончавшегося правителя – на сей раз Ким Чен Ын. Некоторые наблюдатели считали, что последний не успел создать себе надежную политическую базу и поэтому, с большой вероятностью, не сможет удержать доставшуюся ему по наследству власть. Хорошим отражением такой обеспокоенности стал, например, доклад о перспективах нестабильности в Северной Корее, подготовленный в 2009 г. авторитетным американским Советом по международным отношениям.² Из личных контактов автору хорошо известно, что в 2008–2011 гг. серьезные сомнения по поводу стабильности ситуации в Корейской Народно-Демократической Республике (КНДР) высказывались не только в Вашингтоне, но и, например, в Пекине.

Однако история продемонстрировала, что спекуляции о нестабильности режима семьи Кимов оказались, мягко говоря, не вполне обоснованными. Это не означает, что северокорейский режим непременно будет существовать на протяжении столетий, однако до настоящего времени ему удавалось демонстрировать выдающуюся стабильность.

Успехи северокорейской элиты впечатляют, если главным критерием успеха считать способность сохранять власть в самых неблагоприятных обстоятельствах. Северокорейской правящей семье удалось с минимальными затруднениями провести две передачи власти по наследству. Северокорейская модель экономики оказалась не слишком эффективной и в итоге развалилась в 1990-е годы. Однако для правящей элиты этот развал не имел ощутимых политических последствий: страна сохранила управляемость, а персональный состав высшей элиты не претерпел серьезных изменений. Режим выдержал и потерю всех основных союзников-спонсоров, и массовый голод, и неуклонно нараставшую конфронтацию с США по ядерному вопросу.

В этой связи имеет смысл задаться вопросом о том, каким образом была достигнута эта стабильность, а также понять, почему северокорейский режим вопреки опасениям (или надеждам) наблюдателей сумел благополучно пережить ряд тяжелейших кризисов.

II. Угроза с юга

Главную и в своем роде уникальную угрозу для долгосрочной стабильности северокорейской государственности представляет существование второго корейского государства – Республики Корея. Южная Корея не просто находится в непосредственной близости от КНДР, но и может восприниматься широкими слоями северокорейского населения в качестве привлекательной альтернативы северокорейскому общественному строю и экономической системе.

К моменту раздела Кореи в 1945–1948 годах будущая территория КНДР представляла собой один из самых развитых регионов Восточной Азии за пределами Японии. С начала 1930-х годов японское правительство активно развивало на этой территории тяжелую промышленность. При этом территория будущей Южной Кореи представляла собой отсталый аграрный регион. Статистика 1940-х годов показывает высокую степень неравенства между двумя половинами Кореи. По состоянию на 1940 г., на те территории, которые после раздела страны вошли в состав Северной Кореи, приходилось 85% производства металла, 88% производства химических продуктов и 85% производства электроэнергии.³ Однако уже к концу 1960-х годов ситуация кардинально изменилась. Южная Корея сначала догнала Север по основным макроэкономическим показателям, а потом и значительно перегнала его.

По неофициальным оценкам, исходящим от северокорейского правительства, в 2017 г. внутренний валовый продукт (ВВП) на душу населения в Северной Корее (при всей условности этого термина применительно к той полугосударственной экономике, каковой является КНДР сейчас) составлял 1214 долларов, то есть находился примерно на уровне Танзании и Непала.⁴ В Южной Корее аналогичный показатель тогда составил 29800 долларов, что примерно соответствует уровню Франции и Италии.⁵ Таким образом, по этому важнейшему макроэкономическому показателю между двумя корейскими государствами существует 25-кратный разрыв, который является самым большим в мире разрывом между двумя соседними странами. На протяжении последних десятилетий данный разрыв неуклонно увеличивался: в 1995 г., накануне «Великого голода» в КНДР, разрыв между Севером и Югом по уровню ВВП на душу населения был «всего лишь» семикратным.⁶

Успех Южной Кореи потенциально является серьезным дестабилизирующим фактором для КНДР. Не случайно, что уже на протяжении многих десятилетий северокорейские власти предпринимают исключительные по своей жесткости меры, направленные на сохранение и поддержание информационной изоляции страны. Власти делают все возможное для того, чтобы подавляющее большинство жителей КНДР не имело представления о реальном уровне жизни за рубежом и, в первую очередь, в Южной Корее. К числу таких мер можно отнести запрет на использование радиоприемников со свободной настройкой и на распространение в стране Интернета, нетехнической иностранной литературы и зарубежной печати, а также жесткие ограничения на контакты с иностранцами. Доступ к Интернету имеют лишь немногие представители спецслужб, военно-промышленного комплекса и высшей элиты, в то время как для большинства населения существует сеть «Кванмён» – национальный интранет, не связанный с «большим» Интернетом.⁷

Вопреки часто встречающимся утверждениям, существующие у северокорейского руководства опасения по поводу политических последствий открытия страны являются не «параноидальными», а, наоборот, вполне обоснованными и рациональными. Существует большая вероятность того, что

если северокорейское население в полной мере осознает степень отставания Северной Кореи от Южной по уровню жизни и индивидуальных свобод, то оно возложит вину за это отставание на семью Ким и, шире, на всю северокорейскую элиту. Вполне вероятно и то, что при таком повороте событий жители Севера могут решить, что в случае объединения с Южной Кореей на южнокорейских условиях они в самые короткие сроки получат доступ к тем материальным благам, которыми пользуются южнокорейские соседи. В определенном смысле такое положение дел напоминает ситуацию, которая существовала в Восточной Германии и закончилась падением Германской Демократической Республики (ГДР). Немаловажная разница заключается, однако, в том, что в случае с ГДР и Федеративной Республикой Германии (ФРГ) разница по уровню ВВП на душу населения была примерно двух- или трехкратной, а не двадцатипятикратной, как в случае с Кореей.⁸

III. В одной лодке: единство элиты как фактор стабильности

Выживание режима часто объясняют тем, что в КНДР еще во времена Ким Ир Сена был создан и продолжает функционировать исключительно жесткий и всеобъемлющий аппарат административно-полицейского контроля над населением. Жители КНДР находятся под контролем и полиции безопасности, и «организации» по месту работы, и «народной группы» по месту жительства; хорошо понимая, что любое политически подозрительное поведение будет быстро замечено и сурово наказано. Однако само существование такой системы было бы невозможно, если в ее поддержании не была бы заинтересована заметная и влиятельная часть общества – его элита.

Существование Южной Кореи дает северокорейской правящей элите основания для того, чтобы опасаться за свое будущее в случае потери контроля над ситуацией в стране. Впрочем, существование богатого Юга может парадоксальным образом рассматриваться не как дестабилизирующий, а как, напротив, стабилизирующий фактор. Осознание тех последствий, к которым может привести падение северокорейского режима и объединение с Южной Кореей по «германскому сценарию» (то есть, называя вещи своими именами, поглощение корейского Севера корейским Югом), оказывает немалое влияние на позиции северокорейской элиты, во многом побуждая ее к сплочению вокруг существующего режима.

Смена политического режима крайне редко приводит к массовой смене правящей элиты. Как показывает мировая история, в большинстве случаев падение того или иного политического режима приводит к отстранению от власти лишь немногочисленной высшей элиты, а также сравнительно немногих символически значимых фигур. Практически все среднее чиновничество и офицерский корпус среди силовиков после политического переворота обычно сохраняют свои позиции. Это относится в том числе к элитам в постсоветских и, шире, постсоциалистических странах, где отстранение от власти компартий не сопровождалось радикальными переменами в персональном составе элит (несколько упрощая, секретари обкомов комсомола стали генеральными директорами банков).⁹

Политические пертурбации обычно еще меньше затрагивают деловую элиту. В худшем случае от таких пертурбаций могут пострадать те представители предпринимательских кругов, бизнес которых был слишком сильно основан на личных связях с теми или иными представителями действующей власти.

Однако и в этом отношении ситуация в Северной Корее кардинальным образом отличается от положения дел как в большинстве стран с авторитарными режимами, так и в постсоветских государствах. Падение режима семьи Ким, с высокой вероятностью, приведет к тому, что северокорейское государство будет взято под контроль своим южным соседом. В случае такого «недружественного поглощения» у северокорейской номенклатуры остается мало шансов на то, чтобы встроиться в новую систему.

Понятно, что представители политической полиции («государственной охраны») и значительной части партийного аппарата будут скомпрометированы; особенно в том случае, если сведения об ужасах тюрем и лагерей станут общим достоянием. Однако встроиться в новую систему едва ли смогут даже представители менее идеологизированных, технократических групп нынешней элиты: например, управленцы государственных предприятий или менеджеры системы образования и здравоохранения. Препятствием для их приспособления к новой ситуации может стать недостаток необходимых знаний и опыта: они не знают, как работает южнокорейская и в целом современная система менеджмента и управления. Уровень их профессиональных и технических знаний и опыта также оставляет желать лучшего.

Парадоксальным образом, падения режима и объединения страны не желает не только номенклатура, но и новая северокорейская буржуазия. Последняя возникла в годы социально-экономического хаоса и голода, т. е. в середине и конце 1990-х годов, и в настоящее время занимает важные позиции в северокорейском обществе даже несмотря на то, что официального признания сам факт ее существования пока не получил. В своей массе северокорейские предприниматели (в социальном плане отдаленно напоминающие «цеховиков» в советской Средней Азии 1970-х годов, но гораздо более многочисленные) вынуждены действовать под крышей государственных учреждений, а большая часть принадлежащих им предприятий формально регистрируется в качестве государственных.¹⁰ Тесные связи с номенклатурой являются необходимым условием для делового успеха в КНДР, поэтому северокорейская буржуазия во многом разделяет ее интересы.

В случае объединения страны на территории нынешней КНДР начнет действовать южнокорейский бизнес. Не только крупные, но также мелкие и средние южнокорейские фирмы существенно превосходят даже самых удачливых и опытных представителей северокорейской буржуазии и по объему капитала, и по уровню технической и профессиональной экспертизы. Конечно, у северокорейских предпринимателей есть уникальный опыт работы в условиях КНДР, но этот опыт не будет представлять особой ценности именно в силу его уникальности. Дополнительным преимуществом «пришельцев с Юга» в новых условиях могут стать их близкие контакты с южнокорейскими политическими элитами и понимание ими южнокорейских правил игры, которые будут доминировать в объединенной стране. Все это означает, что в случае объединения новая северокорейская буржуазия, несмотря на, казалось бы, благоприятный для нее переход к рыночной экономике, едва ли сумеет сохранить свои нынешние позиции. Как показывают беседы автора с представителями новой северокорейской буржуазии (проводившиеся в основном в Китае), некоторые из них отлично понимают это обстоятельство.

Таким образом, в Северной Корее существует весьма влиятельные общественные слои, которые заинтересованы в сохранении стабильности. Неоднократно отмечалось, что революции и иные общественные потрясения чаще начинаются не из-за того, что свое недовольство существующим порядком вещей

выражают низы, а в результате внутренних конфликтов и раскола в среде элит.¹¹ В силу указанных выше факторов и условий раскол в среде северокорейских элит маловероятен: их представители находятся в одной лодке и хорошо это осознают.

IV. Стратегия выживания: внешние вызовы

По большому счету, северокорейское государство и правящая там наследственная элита сталкиваются с двумя группами угроз. С некоторой долей условности, данные угрозы можно назвать внешними и внутренними, хотя провести четкую грань между ними в ряде случаев затруднительно.

Внешние угрозы носят двоякий характер. С одной стороны, северокорейское руководство опасается прямого внешнего нападения, памятуя, в частности, о том, что случилось в Ираке в 2003 г. или в Афганистане в 2001 г. Более вероятным, впрочем, представляется реализация не «иракского» или «афганского», а «ливийского» сценария. Речь идет о том что, в случае начала внутри страны серьезных волнений, США и некоторые другие страны могут заявить о необходимости предотвратить расправы над мирным населением, ссылаясь на принцип «ответственности по защите» (“responsibility to protect”). В таких условиях может быть принято решение о внешнем вмешательстве в конфликт на стороне антиправительственных сил. Оно может носить ограниченный характер и свестись, например, к введению на территории Северной Кореи, по ливийскому образцу, зон, в которых будут запрещены полеты северокорейской авиации (“no fly zones”). Однако даже ограниченные меры смогут изменить баланс в пользу антиправительственных сил.

Показательно, что пресса КНДР регулярно напоминает своим читателям о печальной судьбе Каддафи, ошибка которого, как не устают повторять в Пхеньяне, заключалась именно в том, что он в 2003–2004 годах, поверив обещаниям США, отказался от своей ядерной программы и заплатил за это жизнью. Например, в марте 2011 г. представитель МИД КНДР заявил: «Ливийский кризис преподал международному сообществу серьезный урок. Он наглядно продемонстрировал всему миру, как ядерное разоружение Ливии, широко разрекламированное США, закончилось агрессией. Вероломное нападение произошло после того, как агрессор сладкими посулами гарантий безопасности и улучшения отношений уговорил свою жертву разоружиться, а затем поглотил ее при помощи силы. Это еще раз доказало простую истину: мир можно сохранить только в том случае, если у страны хватит собственных сил для того, чтобы обеспечить [ядерное] сдерживание».¹²

Впрочем, не следует упрощать ситуацию и считать, что ядерное оружие в КНДР создается исключительно как средство сдерживания, в целях обороны от возможного нападения или от вмешательства во внутренний кризис. На практике северокорейская ядерная программа имеет еще две вторичные, но важные цели.

Во-первых, она может использоваться в качестве орудия дипломатии (как известно, «добрым словом и пистолетом можно добиться большего, чем одним добрым словом»). На протяжении последних тридцати лет северокорейская дипломатия неоднократно соглашалась замедлить или приостановить продвижение своей ядерной программы (но никогда не демонтировать ее радикальным образом) в обмен на согласие международного сообщества на те или иные уступки или же просто на предоставление КНДР экономической помощи.

Наилучшим примером такого рода сделки является Рамочное Женевское соглашение 1993 г., в соответствии с которым КНДР обещала заморозить свою

ядерную программу в обмен на экономическую помощь – поставки топлива и строительство реакторов на легкой воде для производства электроэнергии. Соглашение это продержалось до «второго ядерного кризиса» 2002 г. и сыграло немалую роль в том, что КНДР сумела пережить экономическую катастрофу девяностых.¹³ Не исключено достижение новых аналогичных компромиссов – замораживания или частичного сокращения ядерной программы в обмен на помощь и/или политические уступки.

Во-вторых, северокорейская ядерная программа может также служить долгосрочным целям руководства КНДР, которое, возможно, полностью не отказалось от старой мечты об объединении страны под своим контролем. Следует учитывать, что на протяжении почти всего правления основателя северокорейского режима Ким Ир Сена эта установка играла ключевую роль во всем стратегическом мышлении Пхеньяна. Наличие ядерного оружия может позволить Северной Корее нейтрализовать американское влияние на Корейском полуострове и, как надеются в Пхеньяне, в перспективе создать возможности для подчинения Юга. Разумеется, в нынешней ситуации подобные наступательные планы едва ли воспринимаются в качестве задач ближайшего будущего, однако не исключено, что они продолжают всерьез обсуждаться в северокорейском руководстве, по крайней мере, на уровне «геополитических мечтаний».

Учитывая опыт Ливии, Афганистана и Ирака, северокорейское руководство убеждено в том, что отказ от ядерного оружия является самоубийственным шагом. Именно поэтому на протяжении долгого времени руководство КНДР вкладывало значительную часть имеющихся в ее распоряжении скудных ресурсов в развитие ядерной программы. Никакие меры экономического давления или обещания разнообразных благ не повлияют на позицию КНДР по ядерному вопросу.

Существует обширная литература, которая демонстрирует, что санкции редко приводят к тому эффекту, на который надеются их организаторы: например, согласно исследованию швейцарского “Targeted Sanctions Consortium”, применение санкций ООН принесло хотя бы частичный успех лишь в менее четверти всех случаев.¹⁴ Кроме того, эмпирический опыт показывает, что эффективность санкций прямо пропорциональна уровню политических и индивидуальных свобод в той стране, которая является мишенью таких санкций. Иначе говоря, чем больше у граждан подвергшейся санкциям страны возможностей выражать свое мнение и влиять на действия властей, тем выше вероятность того, что санкции в итоге окажутся успешными (хотя такая вероятность, в целом, не очень высока).¹⁵

Будучи, пожалуй, самым авторитарной из существующих ныне на планете автократий, Северная Корея является страной, в которой народные массы имеют очень ограниченные возможности для воздействия на правительство и проводимую им политику. Соответственно, КНДР малоуязвима для санкционного давления.

Хотя правящая северокорейская элита до определенной степени учитывает настроения народных масс, нет оснований думать, что даже самое резкое ухудшение их экономического положения в результате санкций заставит эту элиту пересмотреть свое отношение к ядерному оружию. Даже в том маловероятном случае, если дело дойдет до голода, северокорейская элита отнесется к этому примерно так, как, скажем, феодалы в Средневековье относились к голодным смертям простолюдинов, вызванным теми или иными военными кампаниями: подобные смерти будут считаться прискорбной, но неизбежной платой, которую приходится платить за сохранение северокорейской государственности. Немалую роль сыграет то обстоятельство, что голодать и умирать будут вовсе не те люди,

которые оказывают влияние на принятие политических решений; элите тоже придется ограничить свое потребление, но голод ей не грозит. Наглядной иллюстрацией являются события 1996–1999 годов, когда даже массовый голод, приведший к смерти не менее полумиллиона человек, то есть 2% всего населения страны,¹⁶ не заставил северокорейскую элиту пойти на какие-либо радикальные уступки.

Обречены на провал и меры, направленные на «выкуп» северокорейского ядерного потенциала, то есть на вознаграждение КНДР за готовность идти на уступки по ядерному вопросу. Поскольку северокорейское руководство считает, что отказ от ядерного оружия в перспективе является самоубийственным, стратегия выкупа в данном вопросе напоминает попытки уговорить человека совершить самоубийство за соответствующее материальное вознаграждение. Северокорейская элита, конечно, заинтересована в экономическом развитии страны, однако главной ее задачей является самосохранение существующего режима. Экономический рост для северокорейской элиты, безусловно, имеет значение, но только при условии, если этот рост будет достигнут под ее руководством.

V. Стратегия выживания: внутренние вызовы

Хотя поддержание стабильности и, соответственно, сохранение Северной Кореи в качестве отдельного государства являются важнейшими долгосрочными задачами северокорейской политики, не следует думать, что руководство КНДР отказывается от проведения экономических реформ. Более того, в долгосрочном плане экономические реформы абсолютно необходимы для того, чтобы создать условия для сохранения существующего режима.

Огромный разрыв в уровне экономического развития между Северной Кореей и ее соседями (в первую очередь Южной Кореей) является потенциально дестабилизирующим фактором, причем долгосрочным. Ким Чен Ын, учившийся за границей, владеющий иностранными языками и, в целом, понимающий, как работает современный мир, хорошо отдаст себе в этом отчет. Для того, чтобы сохранить власть на протяжении оставшейся жизни и в идеале передать ее по наследству (учитывая относительно молодой возраст Высшего Руководителя, речь идет о периоде в 30–40 лет), ему необходимо вывести страну из состояния хронического кризиса, в котором она оказалась в результате политики его предшественников и предков.

Казалось бы, существует неоднократно проверенный и весьма эффективный рецепт для решения северокорейских экономических проблем – модель, впервые реализованная Китаем в период правления Дэн Сяопина и впоследствии с немалым успехом скопированная Вьетнамом. Эта модель предусматривает поэтапный переход страны к рыночной экономике при сохранении, однако, старой политической системы, официальной коммунистической (социалистической) риторики и, конечно же, безусловного политического доминирования партийной номенклатуры.

Однако до прихода к власти Ким Чен Ына северокорейское руководство отказывалось всерьез осуществлять этот, казалось бы, эффективный и проверенный вариант выхода из кризиса. В данной статье, к сожалению, нет возможности детально осветить то, как на протяжении последних 30 лет менялась экономическая стратегия северокорейского руководства. Так или иначе, очевидно,

что «реформы китайского образца» почти никогда (за исключением периода 2002–2005 годов) всерьез не обсуждались в северокорейском руководстве.

Явное нежелание следовать по китайскому пути часто объявляют еще одним проявлением той «иррациональности», которая якобы присуща пхеньянскому режиму. Однако, если принять во внимание ту ситуацию, в которой находится северокорейская правящая элита, нежелание имитировать китайскую «политику реформ и открытости» является более чем оправданным.

Одной из характерных черт китайской модели стало то, что Китай в ходе ее проведения оказался широко открыт внешнему миру; не случайно, что эта политика вполне официально именуется «политикой открытости и реформ». Несмотря на авторитарный характер режима, китайцы в настоящее время не сталкиваются с серьезными ограничениями на контакты с внешним миром и поездки за границу. Они широко вовлечены в разнообразные международные экономические и политико-культурные проекты. Более того, поскольку китайская модель предусматривает развитие, в первую очередь, экспортно-ориентированной экономики, без подобной открытости внешнему миру и готовности гибко взаимодействовать с ним она, возможно, была бы нереализуема.

В силу упомянутых выше причин (огромного разрыва с Южной Кореей и другими соседними государствами) проведение в КНДР политики «открытости», сколько-нибудь близкой к китайской, не подлежит обсуждению: с точки зрения северокорейской элиты, оно является самоубийственным. Часто приходится сталкиваться с мнением, что в Китае «политика реформ и открытости» не привела ни к каким опасным для власти политическим последствиям. Однако при этом игнорируется то принципиальное различие, которое существует между Северной Кореей и Китаем. У Китая нет, условно говоря, «Южного Китая», то есть процветающего и сравнимого по населению государства, которое населено одноплеменниками и с которым, вдобавок, теоретически возможно объединение. Тайвань – небольшое островное государство, уступающее континентальному Китаю по населению более чем в 50 раз, – в этом отношении всерьез восприниматься не может.

Хотя китайцы хорошо осведомлены о том, насколько лучше них живут, скажем, японцы, американцы или немцы, это отнюдь не означает, что граждане Китая воспримут отставание своей страны как показатель неэффективности правления компартии. С точки зрения рядового китайца, и Япония, и США, и Южная Корея, и иные богатые страны являются иностранными государствами, которые отличаются от Китая в историческом, географическом и культурном планах. Кроме этого, у жителей КНДР по понятным причинам не найдет поддержки идея о том, чтобы превратить Китай, скажем, в японскую префектуру или в 51-й штат США.

В случае с Северной и Южной Кореей дело обстоит совершенно иначе. Если сведения о процветании Южной Кореи начнут массово распространяться в КНДР, они окажут дестабилизирующее влияние, особенно потому, что, с точки зрения рядового жителя КНДР, Южная Корея является, в первую очередь, *корейским* государством.

Именно такого рода опасения по поводу неизбежных политических последствий реализации в КНДР «политики реформ и открытости» по китайскому образцу стали тем главным препятствием, которое не дало Ким Чен Иру пойти по этому, казалось бы, очевидному пути, несмотря на неоднократные попытки иностранных, в том числе китайских, дипломатов убедить его в благотворности подобного решения. Не помогли, как известно, даже периодически организуемые

китайским правительством для Ким Чен Ира «экскурсионные поездки» в быстрорастущие города прибрежного Китая и посещение им Пудуна – делового центра Шанхая, который был создан буквально на пустом месте за пару десятилетий.¹⁷

При этом годы правления Ким Чен Ира (1994–2011), были временем, когда в Северной Корее, до того являвшейся, пожалуй, самой огосударствленной экономикой мира, возник и стал быстро расти частный сектор. Частная предпринимательская деятельность оставалась формально незаконной, и время от времени при Ким Чен Ире организовывались кампании, направленные на ее искоренение или, по крайней мере, серьезное ограничение; однако эти кампании давали лишь временный эффект. Впрочем, на протяжении большей части своего правления Ким Чен Ир занимал по отношению к частному сектору неоднозначную позицию. С одной стороны, власти не отменяли оставшиеся от времен Ким Ир Сена многочисленные запреты, которые делали практически всю деятельность частного сектора нелегальной и даже уголовно наказуемой. С другой стороны, власти закрывали глаза на существование неформальной экономики и не проводили эти запреты в жизнь.

В результате в последние годы правления Ким Чен Ира доля частного сектора в экономике, по разным оценкам, достигла 30–50% от ВВП Северной Кореи.¹⁸ Еще важнее то, что доля доходов от неформальной экономической деятельности достигла 78% от общего дохода домохозяйств Северной Кореи.¹⁹ Иначе говоря, даже базовое физическое выживание большинства семей было бы невозможно без существования частного сектора.

В последние 20–25 лет частный сектор доминирует в сфере торговли и обслуживания. Фактически частными являются большинство ресторанов и столовых: они зарегистрированы как государственные предприятия, но реальный владелец просто выплачивает оговоренную сумму той организации, которой на бумаге подчинен ресторан. По такой же схеме работают многие магазины, ремонтные мастерские и ателье. Частный капитал доминирует в грузовых и пассажирских междугородних перевозках (кроме железнодорожных), рыболовстве и многих других отраслях. Фактически частными являются и некоторые средние предприятия с десятками работающих, включая, например, угольные шахты и предприятия текстильной промышленности. Для их легализации используется схожая схема – формальная регистрация частного предприятия в качестве государственного.²⁰

Ким Чен Ир был неплохо осведомлен о росте рыночной экономики в стране, но, за исключением периода 2005–2010 годов, не предпринимал ничего для ограничения этого роста. Полулегальный статус нового бизнеса в целом соответствовал его стратегическим задачам, главная из которых была очевидной: сохранить политическую стабильность до момента собственной естественной смерти.

Однако с приходом к власти Ким Чен Ына ситуация изменилась. Его отец, будучи уже пожилым человеком, боялся предпринимать какие-либо резкие шаги, резонно считая, что сохранение режима в более или менее неизменном виде позволит ему дожить до естественной смерти. Ким Чен Ын, будучи молодым человеком, надеется оставаться у власти на протяжении долгого времени и, соответственно, не может себе позволить осуществлять такую политику, которая будет и далее консервировать отставание Северной Кореи от соседей. Благодаря полученным им образованию и опыту, Ким Чен Ын понимает, что решение стоящих

перед страной проблем может быть достигнуто только в русле развития рыночной экономики, т. е. в рамках какого-то варианта «модели Дэн Сяопина».

Противоречия между двумя важнейшими компонентами китайской политики, то есть между (политической) «открытостью» и (экономическими) «реформами», на первый взгляд, представляются непримиримыми. Однако Ким Чен Ын и его окружение нашли выход из, казалось бы, безвыходной ситуации. Они отделили вполне приемлемую для Северной Кореи политику рыночно-ориентированных экономических реформ от смертельно опасной для нее политики «открытости внешнему миру». С самого начала своего правления Ким Чен Ын стал последовательно и, в целом, успешно проводить политическую линию, которая может быть охарактеризована как *«политика реформ без открытости»*.

Та экономическая модель, которую Ким Чен Ын последовательно пытался реализовать в 2012–2017 годах, как и китайская модель, предусматривает развитие рыночных отношений. В то же время, в отличие от своего китайского прототипа, такая модель предполагает не ослабление, а сохранение и, в некоторых случаях, ужесточение политического контроля. Учитывая ту ситуацию, в которой находится сам лидер и его окружение, такая политика является разумной и рациональной, по крайней мере, с точки зрения тех, кто ее реализует.

VI. Экономические реформы

Уже с самого начала своего правления Ким Чен Ын заявил о необходимости проведения экономических реформ. Реформы, предпринятые лидером и его окружением (особую роль в данном случае, по-видимому, играл премьер-министр Пак Пон-чжу), развивались по трем основным направлениям: введение системы звеньевой ответственности, резкое расширение прав менеджмента в промышленности и молчаливое признание права на частную предпринимательскую деятельность.

В 2012–2013 гг. была введена новая система управления сельским хозяйством, которую можно назвать «системой звеньевой подряда», хотя в корейском языке она официально звучит как «система ответственности за поле» (*пхочжон тамданъ чже*). Новая система подразумевала, что крестьяне должны в основном работать в составе небольших постоянных звеньев, каждое из которых состоит из пяти–шести членов. В большинстве случаев за каждым звеном был закреплен определенный участок, который, как было обещано крестьянам, звено будет обрабатывать на протяжении нескольких лет. Крестьяне обязаны сдавать государству часть общего урожая (по разным сообщениям, от 30% до 70%, в зависимости от местоположения полей, качества земли и некоторых других условий), а оставшейся частью могут распоряжаться по своему усмотрению. Как легко заметить, все это очень напоминало политику Китая на ранней стадии реформ, особенно если учесть, что под видом «звена» часто регистрировались крестьянская семья или пара живущих по соседству семей.²¹

30 мая 2014 г. было объявлено о реформе системы управления промышленностью, в соответствии с которой руководители промышленных предприятий получили доселе невиданную свободу действий, а центральное планирование было сокращено. Новая система получила название «система ответственного управления социалистическим предприятием» (*сахвечжуи киоп чхэким кванличже*). Вся продукция, производимая предприятием сверх плана (который при этом был значительно сокращен), по новым правилам могла быть продана на рынке по «договорным», то есть рыночным ценам. Государственные

предприятия получили право закупать по договорным ценам сырье и материалы на рынке, а также заниматься внешнеэкономической деятельностью напрямую, а не через систему Министерства внешней торговли или специально организованные внешнеторговые фирмы. Менеджеры получили права нанимать и увольнять работников и определять их заработную плату.²²

Кроме того, Ким Чен Ын стал проявлять беспрецедентную терпимость к тем проявлениям частной экономики, которые в изобилии появились в Северной Корее с середины 1990-х годов. Частный сектор при нем формально так и не был легализован, однако на практике за время его правления не было проведено ни одной систематической кампании, которая была бы направлена против частного предпринимательства и многочисленных де-факто частных предприятий. Более того, государственным органам было разрешено привлекать частный капитал для реализации государственных проектов, и это даже поощрялось. Данная система особенно активно используется в жилищном строительстве, которое во многом идет на средства частных инвесторов.²³

Продолжали расти в размерах и все более многочисленные частные рынки. В 2010 г., незадолго до прихода Ким Чен Ына к власти, спутниковые снимки свидетельствовали о существовании 200 постоянных рынков в Северной Корее, а к 2018 г. их число более чем удвоилось и составило около 480.²⁴

За «десятилетие Ким Чен Ына» существенно изменился облик Пхеньяна и некоторых других северокорейских городов. В столице за это время произошли просто разительные перемены. Появилось большое число новых кварталов многоэтажных домов. Открылось множество ресторанов, магазинов и заведений обслуживания, которые в своей массе являются частными, хотя и зарегистрированы, как это принято в КНДР, в качестве государственных предприятий.

VII. Реформы без политической открытости

Проведение экономических реформ не сопровождалось ослаблением политического контроля над населением. Более того, сразу после своего прихода к власти Ким Чен Ын стал принимать меры по блокированию тех неофициальных каналов, по которым не одобренная правительством информация о внешнем мире попадала в страну.

В частности, Ким Чен Ын стал активно осуществлять комплексную политику, направленную на существенное ограничение числа северокорейских беженцев-мигрантов, которые нелегально покидают страну и уходят на заработки в Китай (откуда небольшая часть перебирается в Южную Корею). В годы правления его отца численность таких мигрантов была значительной. По некоторым оценкам, в конце 1990-х годов в прилегающих к Северной Корее районах Китая находилось от 100 до 250 тысяч северокорейских нелегалов, которые в подавляющем большинстве являлись трудовыми мигрантами.²⁵

В настоящее время число северокорейских нелегалов в Китае резко снизилось, однако Китай остается важным транзитным направлением для тех жителей КНДР, которые собираются перебраться на Юг. За период, прошедший с подписания Соглашения о перемирии в июле 1953 г. до 31 декабря 2018 г., в Южную Корею прибыло 33523 гражданина КНДР.²⁶ Некоторые из них к настоящему времени умерли или выехали на постоянное жительство в третьи страны, и в данный момент на территории Юга постоянно проживает около 29–30 тысяч выходцев с Севера.

В своем подавляющем большинстве северокорейские мигранты не руководствуются какими-либо политическими мотивами и обычно не желают втягиваться в политику. Однако сам факт существования этого контингента, с точки зрения северокорейского режима, является нежелательным. Речь здесь идет не столько о подрыве международного престижа режима семьи Ким, сколько о том, что мигранты являются важным каналом, по которому в Северную Корею поступает несанкционированная информация о внешнем мире.

В отличие от ситуации, которая имела место в прошлом, сейчас мигранты обычно поддерживают контакты со своими семьями. Это стало возможным благодаря существованию нелегальных, но весьма эффективных сетей посредников («брокеров»), которые передают письма, а также переводимые из Южной Кореи деньги в качестве помощи северокорейским родственникам.

С начала 2000-х годов в Северной Корее широкое распространение получили южнокорейская видеопродукция и эстрадная музыка. Южнокорейские телесериалы и фильмы на протяжении последних 15–20 лет в больших количествах контрабандно ввозились в Северную Корею, где они пользовались огромной популярностью и во многом вытеснили произведения официальной культуры из повседневного обращения. Ввоз этих видеоматериалов, которым занимаются, в основном, китайские контрабандисты, во многом возможен благодаря наличию активного нелегального движения через границу между Китаем и КНДР.²⁷

С момента прихода к власти Ким Чен Ына власти стали принимать меры, направленные на ограничение масштабов нелегальной миграции в Китай. Эти меры носили комплексный характер и предусматривали как усиление контроля над границей, так и активную пропаганду, в ходе которой мигранты представлялись не столько врагами, сколько излишне доверчивыми жертвами коварных планов американских империалистов и их южнокорейских марионеток. В целом, принятые северокорейскими властями меры оказались успешными, о чем свидетельствует наметившаяся сразу после прихода к власти Ким Чен Ына тенденция к снижению числа прибывающих в Южную Корею на постоянное место жительства мигрантов из КНДР. Если в 2011 г. на Юг прибыло 2706 мигрантов, то в 2018 г. – лишь 1137 человек.²⁸

Кроме этого, правительство Ким Чен Ына принимает жесткие меры, направленные на усиление контроля над электронными устройствами, получившими немалое, по меркам бедной страны, распространение. Власти требуют, чтобы на всех имеющихся в КНДР компьютерах и мобильных устройствах была установлена операционная система «Пульгын пёль» («Красная звезда»). Эта операционная система является местным дистрибутивом “Linux”, но в то же время обладает рядом особенностей, используемых для решения тех проблем, о которых беспокоятся власти. В частности, «Пульгын пёль» не позволяет пользователю открывать те файлы, которые не имеют разрешения электронной цензуры. Оснащенное такой операционной системой устройство не может быть использовано для просмотра южнокорейской и вообще иностранной видеопродукции.²⁹

Не наблюдается заметных изменений и в идеологической области: в официальной печати происходящие в стране перемены никак не обосновываются, а попросту замалчиваются. Полностью табуированной в открытой печати остается тема рынков и частной коммерческой деятельности, которая на практике давно играет важную роль в повседневной жизни страны. Описанные выше экономические реформы также практически не получили отражение в массовой открытой северокорейской печати. Между тем, о них достаточно активно писали

как в закрытых информационных изданиях для элиты, так и в специализированных журналах, которые, формально являясь открытыми источниками, адресованы, в первую очередь, профессиональным экономистам и управленцам. Однако массовая печать упоминает о происходящих переменах только изредка и в общих выражениях, явно стараясь не привлекать к ним особого внимания.

VIII. Заключение

Политика Ким Чен Ына в первые десять лет его правления была направлена на развитие рыночной экономики и частичную легализацию рыночных отношений, что, однако, сочеталось с сохранением жесткого политического и идеологического контроля. По сравнению с китайской моделью, северокорейский вариант предусматривает гораздо более жесткий государственный контроль в целом и практически исключает попытки неформального взаимодействия жителей КНДР с внешним миром, в частности.

Многие наблюдатели неоднократно высказывали сомнения по поводу возможности успеха северокорейских реформ в том случае, если они и далее будут проводиться в условиях отказа от открытости. К настоящему моменту с какой-либо уверенностью разрешить эти сомнения нельзя. Однако следует иметь в виду, что первые годы правления Ким Чен Ына были отмечены довольно высокими темпами экономического роста.

С начала 2017 г. стало очевидно, что реформаторское рвение Ким Чен Ына и его окружения стало ощутимо спадать: по крайней мере, никаких новых экономических реформ после 2016 г. не проводилось. Представляется, что решение руководства Северной Кореи не проводить новых реформ вызвано, в первую очередь, жесткой конфронтацией с США, которая началась в первые месяцы 2017 г. Приход к власти президента Трампа существенно изменил ту внешнеполитическую среду, в которой действует Северная Корея и, по мнению многих экспертов, резко увеличил вероятность прямого военного столкновения между КНДР и США.

Тем не менее, представляется, что в долгосрочном плане у политики «реформ без открытости» нет альтернативы. Даже ограниченное открытие страны с большой вероятностью подорвет внутривнутриполитическую стабильность. Поэтому поддержание информационной изоляции является важнейшим условием сохранения режима. Жесткий контроль над внешними связями и контактами, скорее всего, не пойдет на пользу народному хозяйству страны. Однако выживание государства для правящей элиты является более важной ценностью, чем экономический рост, и потому неудивительно, что именно экономическим ростом северокорейские власти готовы жертвовать. И все же отказ от экономических реформ, пусть даже и в сочетании с продолжающимся стихийным развитием рыночных отношений «снизу», обрекает страну на то, что разрыв с соседями будет и дальше увеличиваться. В долгосрочном плане это создает предпосылки для жесточайшего политического кризиса.

Возникает вопрос о том, какова же вероятность сохранения северокорейского режима на протяжении длительного времени – двух и более десятилетий. С одной стороны, северокорейский режим постоянно сталкивается с серьезными внутренними проблемами, главной из которых является существование Южной Кореи. Это означает, что северокорейский режим остается внутренне нестабильным и при неблагоприятном повороте событий может исчезнуть с лица земли. Кризис может начаться внезапно и развиваться очень быстро. С другой

стороны, учитывая проводимую северокорейскими властями политику, более вероятным представляется тот сценарий, при котором северокорейский режим, постепенно и медленно изменяясь, сохранится на протяжении долгого времени.

Во главе страны находятся жесткие (и даже жестокие) люди, которые при этом мыслят рационально и в целом неплохо осознают те проблемы, с которыми им приходится иметь дело. Эти люди уверены, что ведут борьбу не столько за абстрактные категории вроде национального величия и даже не за власть и привилегии, сколько за свое собственное (и своих семей) физическое выживание. Это вынуждает их проявлять чудеса изобретательности и мобилизации. До определенного момента они могут не считаться с теми проблемами, которые их политика создаст для основной массы населения.

Помогает северокорейской элите и то обстоятельство, что большинство соседей, в том числе Южная Корея, вовсе не хотят столкнуться с коллапсом северокорейского режима, понимая, насколько опасным для региона могут стать последствия такого коллапса. В целом, несмотря на недовольство основных глобальных игроков северокорейской ядерной программой, внешние акторы стремятся сохранить статус-кво на Корейском полуострове или, по крайней мере, не слишком расшатывать и без того потенциально взрывоопасную ситуацию.

Из всего вышесказанного можно сделать практический вывод. С одной стороны, северокорейский режим в обозримом будущем останется внутренне нестабильным. Поэтому всем заинтересованным сторонам следует быть постоянно готовыми к тому, что на Корейском полуострове может внезапно возникнуть очень серьезный кризис, в который, так или иначе, окажутся втянутыми многие страны региона и некоторые великие державы. С другой стороны, в среднесрочной перспективе следует исходить из того, что с гораздо большей вероятностью произойдет постепенная эволюция нынешнего режима. Данный режим будет, однако, оставаться репрессивным, склонным к самоизоляции, а главное, не желающим отказываться от ядерного оружия.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ Manning R. The Asian paradox: toward a new architecture // World Policy Journal. V. 10. № 3. 1993. P. 57.

² Stares P., Wit J. Preparing for sudden change in North Korea. Council on Foreign Relations Special Report № 42. – Washington: Council on Foreign Relations, 2009.

³ McCune G. Korea. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1950. P. 56–57.

⁴ North Korea's economy grew 3.7% in 2017, Pyongyang professor estimates // The Japan Times. 13.10.2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/10/13/asia-pacific/north-koreas-economy-grew-3-7-2017-pyongyang-professor-estimates>.

⁵ Korea, Rep. The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/country/korea-rep>.

⁶ Maddison A. The World Economy. – Paris: OECD Development Centre, 2006. P. 304, 355.

⁷ Обзор текущего состояния систем информационного контроля см. в работе: Williams M. Digital Trenches: North Korea's Information Counter-Offensive. – Washington D.C.: Committee for Human Rights in North Korea, 2019.

---

⁸ 25 Years After the Fall of the Berlin Wall: The Economic Integration of East Germany. – Halle: Halle Institute for Economic Research (IWH), 2016. P. 23.

⁹ Gerber T. Membership benefits or selection effects? Why former Communist Party members do better in post-Soviet Russia // *Social Science Research*. V. 29. № 1. 2000. P. 25–50; Sadowski I., Pohorila N. Do revolutions bring revolutionary changes? Replacement in the ranks of Ukraine's parliament, 1990–2014 // *International Journal of Sociology*. V. 48. № 1. 2017. P. 6–33; Szelényi I., Szelényi S. Circulation or reproduction of elites during the postcommunist transformation of Eastern Europe: introduction // *Theory and Society*. V. 24. № 5. 1995. P. 615–638.

¹⁰ Lankov A., Ward P., Yoo H.Y., Kim Ji.Y. Making money in the state: North Korea's pseudo-state enterprises in the early 2000s // *Journal of East Asian Studies*. V. 17. № 1. 2017. P. 51–67.

¹¹ DeFronzo J. *Revolutions and revolutionary movements*. – Boulder: Westview Press, 2015. P. 12–13.

¹² Foreign Ministry spokesman denounces US military attack on Libya // Korean Central News Agency (KCNA). 22.03.2011. [Сохраненная копия]. URL: <http://www.kcna.co.jp/item/2011/201103/news22/20110322-34ee.html>.

¹³ Pollack J. The United States, North Korea, and the end of the Agreed Framework // *Naval War College Review*. V. 56. № 3. 2003. P. 11–49.

¹⁴ *The Effectiveness of United Nations Targeted Sanctions*. – Geneva: Targeted Sanctions Consortium, 2013. P. 7.

¹⁵ Major S. Timing is everything: economic sanctions, regime type, and domestic instability // *International Interactions*. V. 38. № 1. 2012. P. 79–110; Brooks R. Sanctions and regime type: What works, and when? // *Security Studies*. V. 11. № 4. 2002. P. 1–50.

¹⁶ В литературе по-прежнему часто встречаются сильно преувеличенные оценки числа жертв голода 1996–1999 годов. В настоящий момент доступная информация позволяет оценить число жертв, которое заметно ниже часто упоминаемых «2–3 миллионов», но все равно очень высокое. Goodkind D., West L., Johnson P. A Reassessment of Mortality in North Korea, 1993–2008. Paper presented at the annual meeting of the Population Association of America. Washington D.C. 31 March – 2 April 2011.

¹⁷ О поездках Ким Чен Ира в Шанхай и тех мотивах, которые преследовались китайской стороной при организации этих поездок, см.: Duchâtel M., Schell Ph. *China's Policy on North Korea: Economic Engagement and Nuclear Disarmament*. SIPRI Policy Paper № 40. – Stockholm: SIPRI, 2013. P. 52.

¹⁸ Пукхан кёнъчже чэньчжом пунсок (Анализ спорных проблем северокорейской экономики) / под ред. Ли Сок-ки. – Сеул: Саноп ёнгувон. 2013. С. 70–73, 163.

¹⁹ Kim B.-Y., Song D. The participation of North Korean households in the informal economy: size, determinants, and effect // *Seoul Journal of Economics*. V. 21. № 2. 2008. P. 361–385.

²⁰ О «низовом капитализме» в Северной Корее существует обширная литература, в основном на корейском языке. О схеме «псевдо-государственных предприятий» см.: Lankov A. et al. *Op. cit.*

²¹ Ким Кванъ-чжин. Пукхан 5.30 чочхи-ва Ким Чон-ын нонъоп чонъчхи [«Меры 30 мая» и сельскохозяйственная политика Ким Чен Ына] // Пукхан. 2014. № 11. С. 60–64; Ким Ёнь-хун, Квон Тхэ-чин, Им Су-гёнъ. Пукхан-ый нонъоп пумун кэхёк чочхи пунсок-ква чонманъ, 1996–2012 [Анализ и перспективы мер по реформированию сельского хозяйства в Северной Корее, 1996–2012]. – Сеул: Нонъхчхон кёнъчже ёнгувон, 2013.

²² Пак Ху-кон. Пукхан сахвечжуи кёнъчже чхечже-ый чинхваквачжон-е тэхан кочхаль [Исследование процесса эволюции системы управления социалистической экономикой в Северной Корее] // Хёндэ пукхан ёнгую. 2018. № 2. 2018. С. 112–121.

---

²³ Хон Мин. Пукхан-ый апхатхэ консоль сичжанъ-ква тоси чонъчхи [Рынок строительства многоквартирных домов в Северной Корее и политика городского развития] // KDI пукхан кёнъчже рибю. 2014. № 8. С. 35–62.

²⁴ Curtis M. North Korean market update // North Korean Economy Watch. 05.02.2018.
URL: <http://www.nkeconwatch.com/2018/02/05/north-korean-market-update>.

²⁵ Lankov A. North Korean refugees in Northeast China // Asian Survey. V. 44. № 6. 2004. P. 856-873.

²⁶ Чхвегын хёнхванъ (Текущая ситуация). Сайт Министерства объединения Республики Корея.
URL: <https://www.unikorea.go.kr/unikorea/business/NKDefectorsPolicy/status/lately>.

²⁷ Ким Тонъ-ван. Пукхан-есо-ый ханлю хёнсанъ: кы ыйми-ва ёнхянь [Распространение южнокорейской культуры в Северной Корее: значение и влияние]. – Сеул: Тхонъиль кёюквон, 2015.

²⁸ Чхвегын хёнхванъ. Ук. соч.

²⁹ Williams M. Op. cit. P. 34–37.

БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY

1. Brooks R. Sanctions and regime type: What works, and when? // Security Studies. V. 11. No. 4. 2002. P. 1–50.
2. Bukhan kyeongje jaengjeom punseok (The analysis of discussions in the study of North Korean economy). Ed. by Yi Seok-ki. – Seoul: Saneop yeonguwon, 2013.
Пукхан кёнъчже чэнъчжом пунсок (Анализ спорных проблем северокорейской экономики) / под ред. Ли Сок-ки. – Сеул: Саноп ёнгувон. 2013.
3. Choegeun hyeonghwang (Current situation). Official web-site, Ministry of Unification, Republic of Korea. URL: <https://www.unikorea.go.kr/unikorea/business/NKDefectorsPolicy/status/lately>.
Чхвегын хёнхванъ (Текущая ситуация). Сайт Министерства объединения Республики Корея.
3. Curtis M. North Korean market update // North Korean Economy Watch. 05.02.2018. URL: <http://www.nkeconwatch.com/2018/02/05/north-korean-market-update>.
4. DeFronzo J. Revolutions and revolutionary movements. – Boulder: Westview Press, 2015.
5. Duchâtel M., Schell Ph. China's Policy on North Korea: Economic Engagement and Nuclear Disarmament. SIPRI Policy Paper No. 40. – Stockholm: SIPRI, 2013.
6. Foreign Ministry spokesman denounces US military attack on Libya // Korean Central News Agency (KCNA), 22.03.2011. [Cached]. URL: <http://www.kcna.co.jp/item/2011/201103/news22/20110322-34ee.html>.
7. Gerber T. Membership benefits or selection effects? Why former Communist Party members do better in post-Soviet Russia // Social Science Research. V. 29. No. 1. 2000. P. 25–50.
8. Goodkind D., West L., Johnson P. A Reassessment of Mortality in North Korea, 1993–2008. Paper presented at the annual meeting of the Population Association of America. Washington D.C. 31 March – 2 April 2011. URL: <https://paa2011.princeton.edu/papers/111030>.
9. Hong Min. Bukhan-eui apateu geonseol sijang-kwa dosi jenongchi // KDI Bukhan kyeongje ribyu. 2014. No. 8. P. 35–62.

-
- Хон Мин. Пукхан-ый апхатхэ консоль сичжанъ-ква тоси чонъчхи [Рынок строительства многоквартирных домов в Северной Корее и политика городского развития] // KDI пукхан кёнъчже рибю. 2014. № 8. С. 35–62.
10. Kim B.-Y., Song D. The Participation of North Korean households in the informal economy: size, determinants, and effect // Seoul Journal of Economics. V. 21. No. 2. 2008. P. 361–385.
11. Kim Dong-wang. Bukhan-e-seo-eui hanlyu hyeongsang: geu euimi-wa yoeunghyang. – Seoul: Tongil kyoyurwon, 2015.
Ким Тонъ-ван. Пукхан-есо-ый ханлю хёнсанъ: кы ыйми-ва ёнхянь [Распространение южнокорейской культуры в Северной Корее: значение и влияние]. – Сеул: Тхонъиль кёуквон, 2015.
12. Kim Kwang-jin. Bukhan 5.30 jeongchi-wa Gim Cheong-eun nonggeop jeongchi // Bukhan. 2014. No.11. P. 60–64.
Ким Кванъ-чжин. Пукхан 5.30 чочхи-ва Ким Чон-ын нонъоп чонъчхи [«Меры 30 мая» и сельскохозяйственная политика Ким Чен Ына] // Пукхан. 2014. № 11. С. 60–64.
13. Kim Yeong-hun, Kwon Tae-jin, Im Su-gyeong. Bukhan-eui nonggeop bumun kaehyeok jeongchi bunseok-kwa jeongmang, 1996–2012. Seoul: Nongcheon kyeongje yeonguwon, 2013.
Ким Ёнь-хун, Квон Тхэ-чин, Им Су-гёнъ. Пукхан-ый нонъоп пумун кэхёк чочхи пунсок-ква чонманъ, 1996–2012 [Анализ и перспективы мер по реформированию сельского хозяйства в Северной Корее, 1996–2012]. – Сеул: Нонъхчхон кёнъчже ёнгувон, 2013.
14. Korea, Rep. The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/country/korea-rep>.
15. Lankov A. North Korean refugees in Northeast China // Asian Survey. V. 44. No 6. 2004. P. 856–873.
16. Lankov A., Ward P., Yoo H.Y., Kim Ji.Y. Making money in the state: North Korea's pseudo-state enterprises in the early 2000s // Journal of East Asian Studies. V. 17. No. 1. 2017. P. 51–67.
17. Maddison A. The world economy. – Paris: OECD Development Centre, 2006.
18. Major S. Timing is everything: economic sanctions, regime type, and domestic instability // International Interactions. V. 38. No. 1. 2012. P. 79–110.
19. Mathieu D., Phillip S. China's Policy on North Korea: Economic Engagement and Nuclear Disarmament. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) Policy Paper No. 40. – Stockholm: SIPRI, 2013.
20. McCune G. Korea. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1950.
21. North Korea's economy grew 3.7% in 2017, Pyongyang professor estimates // The Japan Times. 13.10.2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/10/13/asia-pacific/north-koreas-economy-grew-3-7-2017-pyongyang-professor-estimates>.
22. Pak Hu-geon. Bukhan sahuijueui kyeongje cheje-wa jinhwajeon-e daehan kochal // Hyondae Bukhan Yeongu. 2018. No. 2. P. 112–121.
Пак Ху-кон. Пукхан сахвечжуыи кёнъчже чхечже-ый чинхваквачжон-е тэхан кочхаль [Исследование процесса эволюции системы управления социалистической экономикой в Северной Корее] // Хёндэ пукхан ёнгю. 2018. № 2. С. 112–121.
23. Pollack J. The United States, North Korea, and the end of the Agreed Framework // Naval War College Review. V. 56. No. 3. 2003. P. 11–49.
24. Sadowski I., Pohorila N. Do revolutions bring revolutionary changes? Replacement in the ranks of Ukraine's parliament, 1990–2014 // International Journal of Sociology. V. 48. No. 1. 2017. P. 6–33.

-
25. Szelényi I., Szelényi S. Circulation or reproduction of elites during the postcommunist transformation of Eastern Europe: introduction // *Theory and Society*. V. 24. No. 5. 1995. P. 615–638.
  26. The Effectiveness of United Nations Targeted Sanctions. – Geneva: Targeted Sanctions Consortium, 2013. P. 7. URL: http://repository.graduateinstitute.ch/record/287976/files/effectiveness_TCS_nov_2013.pdf.
  27. 25 Years After the Fall of the Berlin Wall: The Economic Integration of East Germany. – Halle: Halle Institute for Economic Research (IWH), 2016.
  28. Williams M. Digital Trenches: North Korea's Information Counter-Offensive. – Washington D.C.: Committee for Human Rights in North Korea, 2019.